

МЕТАТЕКСТУАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЭТИКИ ДЕТСТВА В «БАЛЛАДЕ О МАЛЕНЬКОМ БУКСИРЕ» И.А. БРОДСКОГО

Т.В. Доронина

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
e-mail: donyatta@yandex.ru*

С.С. Романов

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы
e-mail: indjukashvili@rambler.ru*

Курский государственный университет

В данной статье осуществляется анализ поэтической лексики и поэтического синтаксиса, образующих поэтику детства в лироэпосе И.А. Бродского «Баллада о маленьком буксире». Авторы иллюстрируют и уточняют тезисы Н.В. Павлович – о «поэтической парадигме», Ю.М. Лотмана – о памяти текста, В.Н. Топорова – о специфике поэтического пространства XX века примерами из названного произведения Бродского.

***Ключевые слова:** Бродский, поэтика образа, текст, метатекстуальная связь, диалог поэтов, поэтическая парадигма, память текста.*

XX век в истории русской поэзии можно охарактеризовать как период-стадию, когда «поэтическое пространство текста оказалось предельно углубленным и расширенным, его мерность увеличилась, оно приобрело тот статус неопределенности и многозначности, который лишает текст окончательности, законченности смысловых интерпретаций и, наоборот, делает «открытым», постоянно прибывающим *atu nascendi* и поэтому способным к улавливанию будущего» [Топоров 1981: 8]. Данное суждение позволяет рассматривать произведение, к которому мы обращаемся, как нагруженное подтекстами и открывает перспективу бесконечных истолкований.

«Баллада о маленьком буксире» – это первая отечественная публикация поэта, появившаяся в 11 номере журнала «Костер» за 1962 год, как стало понятно впоследствии, в сокращенном виде. Данное лиро-эпическое сочинение воспринимается не иначе как рассказ-монолог-исповедь лирического субъекта. Полный текст, ставший известным благодаря юбилейному номеру журнала «Старое литературное обозрение», позволяет утверждать, что это лирическое повествование включает два плана. Именованье их «взрослым» и «детским», думается, вполне правомерно. Но различие определяется вовсе не шкалой «лежащее на поверхности – глубинное» или «понятное событийное – высокое

метафизическое». Думается, в этой связи поэзия вообще не подлежит дифференциации: «взрослая» и «детская»; учитывать следует только языковой критерий, потому что только языковые единицы сообщают форму поэтическому образу.

Детский план в «Балладе» актуализируется, если не принимать во внимание отсутствующий в 1-й публикации финальный фрагмент. Он не введен в широкий исследовательский обиход и продолжает оставаться незамеченным, поэтому приводим его здесь:

И когда я состарюсь
на заливе судьбы,
И когда мои мачты
станут ниже трубы,
Капитан мне скамандует:
«право руля»,
Кочегар мне подбросит
немного угля,
Старый боцман в зюйд-вестке
мой штурвал повернет
И ногой от причала
мне корму оттолкнет, -
– и тогда поплыву я к прекрасному сну,
мимо синих деревьев
в золотую страну,
Из которой еще,
как преданья гласят,
ни один из буксиров
не вернулся назад.

Этот своеобразный эпилог не согласуется по настроению с предшествующими строфами, безмятежно-непосредственными, словно специально нацеленными на терпеливое, неспешное разъяснение названий и назначение новых явлений перед любознательным малышом. Обращает на себя внимание набор слов из лексикона моряков. Можно уловить даже «учительную» интонацию.

Я – *буксир*.
Я работаю в этом порту.
Это мой *капитан*
С сигаретой во рту.
Он стоит у *штурвала*
(говорят – *за рулем*).
Это мой *кочегар* – это он меня кормит углем.
Это *боцман*,
А это *матросы*.
Сегодня *аврал*.

Это два *машиниста* –
Два врача, чтобы я не хворал.
Ну а кто же вон там,
На корме,
В колпаке?
Это *кок*,
С поварешкой прекрасной в руке.

Композиция баллады фрагментарна, и следующий фрагмент напоминает о романтике странствий и экзотике неизведанных стран:

Он явился сюда
из-за дальних морей,
там, где мне никогда
не бросать якорей,
где во сне безмятежно
побережья молчат,
лишь на пальмах прибрежных
попугаи кричат.

Он рождает аллюзию на кипплинговские (в переводе С. Маршака) строки: «А в солнечной Бразилии, Бразилии моей... Суда уходят в плаванье к далеким берегам...».

Финальный аккорд диссонирует даже со строфами о каждодневной однообразной работе, усталости маленького буксира, о его тоске по океану и «прекрасным морям», но при безропотном осознании некоего долга перед «этой землей» и «другими»:

Так тружусь я всегда,
так тружусь и живу,
забываю во сне,
чем я был наяву,
постоянно бегу,
постоянно спешу,
привожу, увожу,
привожу, увожу.
Так тружусь я всегда,
очень мало стою.
То туда, то сюда,
Иногда устаю.

Или:

И хотя я горюю,
что вот я не моряк,
и хотя я тоскую
о прекрасных морях.
и хоть горько прощаться

с кораблем дорогим,
НО Я ДОЛЖЕН ОСТАТЬСЯ
Там,
ГДЕ НУЖЕН ДРУГИМ.

В финальной части отрицается возможность перспективы предстоящей радости от встречи с возникающими в грезах краями. «Золотая страна», из которой «ни один из буксиров не вернулся назад», однозначно воспринимается как небытие. Трагизм сообщается, таким образом, всему содержанию. Драматическая коллизия, заключенная в строках «Не жалейте, не надо, мне за вами нельзя» и «Кто-то должен остаться возле этой земли», осмысливается в духе ахматовского признания:

Меня, как реку,
Суровая эпоха повернула
Мне подменили жизнь. В другое русло,
Мимо другого потекла она,
И я своих не знаю берегов.

Диалог поэтов организуется не столько цитатами или аллюзиями, сколько посредством сложных семантических преобразований – интертекстуальных тропов и фигур, которые отсылают к совокупности контекстов. Вся «Баллада» не что иное, как развернутая метафора тоски и «запертости» того, кто «не знает своих берегов», не реализует своей заданности не по своей вине, не вследствие собственной ограниченности.

История маленького буксира, маленького труженика рядом с никак не могущими без него обойтись большими кораблями проецируется на типическую судьбу ровесников Бродского, поколения Бродского, современников Бродского. Она, на наш взгляд, должна быть осмыслена в духе разработанного Н.В. Павлович понятия «поэтической парадигмы»: «Каждый поэтический образ существует не сам по себе, а в ряду других, сходных с ним образов. Это означает, что он не случаен, не обусловлен только единым контекстом, а реализует некоторую «общую идею», модель, образец, или – парадигму» [Павлович 1995: 49]. Воссоздание модели не обязательно предполагает повторение конкретных лексем, развивающих ее.

Размышления в этом направлении, конечно, связаны с планом «взрослым». Однако образ лирического героя вряд ли может быть понят вне метафоры детства – неведения и всеведения одновременно. Метатекстуальная связь становится более красноречивой, когда претекст присутствует в составе тропа или стилистического оборота. Поэт прибегает к конструкциям, включающим либо интертекстуальную отсылку – метафору, либо метафору, образующую предикативные отношения:

Я – буксир.

Все они – это мой экипаж.
Мы плывем.
Перед нами прекрасный пейзаж:
впереди синева,
позади синева
или кранов подъемных
вдалеке кружева.
На пустых островках
зеленеет трава,
подо мною залив
И немножко Нева.

Перед нами герой, активно познающий, внимающий, открытый. Его занимает иная страна, «как занимает всех детей тридешатое государство» [Головина 2018: 17].

Однако детскость восприятия окружающего пейзажа, способность ощущать новизну каждодневного однообразия не противоречат опыту, знанию, уверенности, последовательности – всему, что свойственно зрелости.

На рассвете в порту,
когда все еще спят,
я, объятый туманом
с головы и до пят,
отхожу от причала
и спешу в темноту,
потому что КОРАБЛЬ
появился в порту.

Герой – большой ребенок: обыденность и прагматичность не отрицают романтического ореола, который он прикрепляет к каждому явлению и действию. К моменту появления «Баллады» в отечественной литературе закрепились трактовки отношений героя-ребенка с миром, которые требовали «сноровки, сообразительности и ловкости» при «готовности соответствовать созданному идеальному образу» [Праведников, Францова 2016: 149].

Облака проплывают
в паровых дымках,
отражаясь в воде.
Я плыву в облаках
по прекрасным местам,
где я был молодым,
возле чаек и там,
где качается дым.

Показательно и то, что точка зрения героя, единственная организующая все повествование, рождает детскую образность.

Словно где-то вдали,
собираясь в кружок,
говорят корабли:
– Добрый вечер, дружок.

Или:

Я поставлю вас здесь,
среди других кораблей,
чтоб вам было в компании
повеселей.

Впечатления героя передаются эпитетами, ни один из которых не выбивается из единого образно-стилевого ряда: «с поварешкой прекрасной», «по прекрасным местам», «дальних морей», «на пальмах прибрежных», «закат торопливый», «в серебристом огне», «океану родному», «о прекрасных морях», «с кораблем дорогим», «мимо синих деревьев», «в золотую страну», «к прекрасному сну».

Очевидна в герое и еще одна устойчивая черта детской поры – постоянная идентификация «я». Значимо не только частое употребление, даже для повествований от 1-го лица, местоимения первого лица, но и то, что «я» становится точкой отсчета и точкой сосредоточения всего происходящего.

Я – буксир,
Я работаю в этом порту,
Я работаю здесь.
Это мне по нутру.

...

«Вдруг я слышу слова,
Обращенные мне».

...

Это я, дорогие,
Да, по-прежнему я.

Самоидентификация связана с аллюзией, возникающей в первых же четырех строках, введенное в состав тропа имя собственное концентрирует сюжет и образ, закрепившиеся в культурной памяти. Лирический герой соотносится со своим мифологическим прототипом. Аналогия устанавливается благодаря метафорической номинации, но она формируется от противоположного:

Это – я,
Мое имя – *Антей*.
Впрочем,
я *не* античный герой.

Маленький буксир Бродского назван именем известного античного персонажа. Согласно древнегреческому мифу, Антей – сын Посейдона и Геры, то есть в одинаковой мере причастный стихиям воды и земли,

великан, неуязвимый до тех пор, пока касается земли, нацеленный на уничтожение чужеземцев.

Буксир же по имени Антей – маленький, с чужеземцами гостеприимен и сентиментален.

Вы проделали путь
Из далекой страны.
Вам пора отдохнуть
У причальной стены.

...

До свиданья, ребята,
до свиданья, друзья.

Названные моменты соотносятся, но не совпадают, вернее, совпадают с точностью «до наоборот».

Что касается причастности воде и земле, неуязвимости, то здесь решение образа характеризуется признаком относительности, неполноты. Вода для него – акватория порта, земля – портовый причал. Иначе говоря, настоящая вода и настоящая земля, не только как стихии, но и как пространства, существуют только в его воображении, как идеальная, недостижимая реальность. В действительности все определяется ключевым понятием «маленький». Невеликость, укромность, потаенность – внутреннее содержание образа, сообщаемое именем собственным.

Детский план восприятия вмещает это содержание как соприродное, не требует приращения смысла, витиеватых трактовок. Взрослый предполагает в подтексте идею великой, но несостоявшейся судьбы и типологическое соответствие «маленький буксир – маленький человек как литературный тип».

Таким образом, не отдельные языковые единицы, а их совокупность, целый текст образует уникальную систему, обладающую особенностью, которую Ю.М. Лотман определил как «память текста». Иначе говоря, может быть названа «сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем» [Лотман 1996: 21]. В нашем случае к «маленькому человеку» присоединится «маленький герой» Достоевского, герой романтических поэм разных лет и разных авторов, «причастный тайнам ребенок» Блока и всей поэзии серебряного века «... и не кончается строка», по выражению того же Бродского.

Как видно, в «Балладе о маленьком буксире» взрослый и детский планы имеют моменты сближения, совмещения, совпадения, несовпадения, дистанцирования. Но ни сам факт двуплановости текста, ни все названные вытекающие из этого обстоятельства не отменяют сюжетно-композиционной, собственно поэтической и ритмической цельности этого сочинения.

Библиографический список

Бродский И.А. Баллада о маленьком буксире // Старое литературное обозрение. 2001. № 2. С. 12–14.

Головина Л.Г. Оппозиция Россия-Запад в контексте творчества Н.Д. Городецкой [Электронный ресурс] // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2018. №2 (29). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/029-002_bKpcz7U.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – Семиосфера – История. М., 1996. 464 с.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995. 491 с.

Праведников С.П., Францова Н.В. Гимназический мир Е.Л. Маркова [Электронный ресурс] // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 1 (37). <https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/042-021.pdf> (дата обращения: 14.10.2019).

Топоров В.Н. Ахматова и Блок (к проблеме построения поэтического диалога: «блоковский» текст Ахматовой). Berkeley Suavic Speciauties. Berkeley, 1981. 204 с.